

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>

World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2026, Том 17, № 2 / 2026, Vol. 17, Iss. 2 <https://sfk-mn.ru/issue-2-2026.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/11KLSK226.pdf>

5.10.1. Теория и история культуры, искусства (культурология)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Родин, Н. С. К попыткам определения истинного места жительства господина Д. Дидро в Санкт-Петербурге: культурологический анализ мемориальной доски / Н. С. Родин // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2026. — Т. 17. — № 2. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/11KLSK226.pdf>.

For citation:

Rodin N.S. Toward an attempt to determine the true residence of mr. D. Diderot in St. Petersburg: a cultural analysis of the memorial plaque. *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2026;17(2): 11KLSK226. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/11KLSK226.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 130.2 + 316.7

Родин Никита Станиславович

ФГБОУ ВО «Российский государственный гидрометеорологический университет», Санкт-Петербург, Россия

Начальник отдела сопровождения и обеспечения научной деятельности

E-mail: rodinns@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3040-3320>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1156420

К попыткам определения истинного места жительства господина Д. Дидро в Санкт-Петербурге: культурологический анализ мемориальной доски

Аннотация. В статье представлен культурологический анализ казуса с мемориальной доской Дени Дидро в Санкт-Петербурге, установленной в 1991 году на Исаакиевской площади, 9, тогда как исторические документы указывают на иное вероятное место пребывания философа — Владимирский проспект, 12, чему посвящено отдельное исследование 2005 года краеведа Е.И. Красновой. Автором статьи ставится вопрос: почему «ошибочная» доска не только не была демонтирована, но и стала неотъемлемым элементом городского ландшафта? Исследование проведено с использованием семиотического подхода Ю.М. Лотмана к городскому пространству, концепции «мест памяти» П. Нора и методов имагологического анализа. В работе сопоставляются два адреса — парадный центр (Исаакиевская площадь) и бывшая дворянская периферия (Владимирский проспект) — как различные семиотические регистры. Автором статьи рассматривается гипотеза, что выбор 1991 года не был случайным: на фоне распада Союза Советских Социалистических Республик актуализировалась потребность в символическом подтверждении связей с европейским Просвещением, и фигура Дидро — друга Екатерины II — была вписана в имперский нарратив. Автор интерпретирует эту ошибку не как халатность, а как проявление избирательности культурной памяти, которая подчиняет факты актуальным смыслам. Заключается, что мемориальная доска функционирует как автономный текст культуры: её символическая значимость может превалировать над документальной точностью. Статья вносит вклад в понимание механизмов конструирования городской идентичности и мифологизации прошлого в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: Дени Дидро; мемориальная доска; культурная память; места памяти; семиотика города; архитектура; культурное пространство; мифологизация; Пьер Нора; Юрий Лотман

Введение

В пространстве современного Санкт-Петербурга зафиксировано множество мемориальных досок, каждая из которых претендует на роль верифицированного следа прошлого. Однако среди них есть особый тип памятников, ценность которых заключается не в документальной точности, а в способности транслировать устойчивые культурные мифы. К числу таких знаковых объектов относится мемориальная доска Дени Дидро на Исаакиевской площади, д. 9, установленная в 1991 году.¹ Согласно данным современных историко-архивных разысканий, представленным в книге Е.И. Красновой, великий французский энциклопедист во время своего пребывания в Петербурге в 1773–1774 годах останавливался не в этом парадном здании, а во Владимирском переулке (ныне Владимирский пр., 12), в доме Нарышкиных, но и эти данные требуют некоторых уточнений. Однако доска, установленная по совершенно точно ошибочной локализации на Исаакиевской площади, не только не была демонтирована после выяснения обстоятельств, но и обрела самостоятельную культурную жизнь, став неотъемлемым элементом городского текста.

Данный казус редко становится предметом самостоятельного научного анализа, чаще оставаясь в поле зрения краеведов или публицистов. Между тем он представляет собой исключительный материал для культурологического исследования, поскольку позволяет вскрыть механизмы функционирования культурной памяти, которые далеко не всегда подчиняются логике исторической верификации. Смещение фокуса с вопроса «где именно жил Дидро?» на вопрос «как и почему общество конструирует и закрепляет в городской среде образ прошлого?» открывает возможность перевести частный краеведческий сюжет в плоскость фундаментальных проблем культурной семиотики, имагологии и урбанистической антропологии.

Актуальность такого подхода обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современной гуманитарной науке утвердилось понимание города как сложного семиотического организма, где архитектура и монументальная скульптура выступают не просто декоративными элементами, но активными агентами трансляции ценностей и идентичностей. Как справедливо отмечает исследователь Николаева Ж.В., «...городская среда — это гораздо более общее и широкое понятие и явление, это история населения планеты, история политики, культурных экспансий и нескольких форм цивилизации, а также соседство и соперничество с размеренным сельским образом жизни, возникновение и сохранение собственных идеалов [1, с. 154]. Во-вторых, сам феномен «ошибочной» мемориализации остается недостаточно осмысленным в культурологии: традиционно изучение мемориальных досок сосредоточено либо на их искусствоведческом анализе, либо на историко-биографической атрибуции, тогда как их функционирование в качестве самостоятельных артефактов культурной памяти требует иной оптики.

Предлагаемое исследование рассматривает историю путаницы с домом Дидро как показательный кейс, позволяющий проследить, каким образом культурная память избирательно присваивает прошлое, подчиняя его актуальным для своего времени смысловым конструкциям. Выбор 1991 года в качестве даты установки доски не случаен: он совпадает с переломным моментом в истории страны, когда потребность в ритуальном подтверждении связей с европейским Просвещением актуализировала образ Дидро — друга и собеседника Екатерины II, символически вписанного в имперский нарратив. Это легко проследить: отечественному читателю доступно содержание бесед императрицы и просветителя [2]. В этом контексте парадная Исаакиевская площадь, ассоциирующаяся с государственной властью и имперским величием, оказалась семиотически более «подходящим» местом для размещения памятного знака, нежели частный дворянский особняк на Владимирском проспекте.

¹ Дидро Д., мемориальная доска // Энциклопедия Санкт-Петербурга. — URL: <https://www.encspb.ru/object/2805551543?dv=2853872336> (дата обращения: 24.03.2026).

Таким образом, в центре внимания оказываются не столько перипетии биографии философа, сколько культурные механизмы, превращающие возможную историческую ошибку в легитимный элемент городского ландшафта. Используя теоретический инструментарий, разработанный в рамках исследований культурной памяти (по П. Нора, Я. Ассману) и семиотики города (по Ю.М. Лотману), автор намерен показать, что мемориальная доска Дидро на Исаакиевской площади представляет собой не просто фактографическую неточность, но симптом глубинных процессов конструирования идентичности через символическое освоение пространства. Такой ракурс позволяет включить частный петербургский сюжет в широкий контекст изучения того, как культура «распоряжается» своим прошлым, создавая устойчивые места памяти, способные существовать автономно от породившей их исторической фактуры.

Исследования Е.И. Красновой о подлинном адресе Д. Дидро в Петербурге: основные аргументы

Основополагающее исследование, предпринявшее попытку прояснить вопрос о подлинном адресе пребывания Дидро в Санкт-Петербурге, было предпринято известным краеведом Е.И. Красновой. В статье «Дидро в Петербурге. История одного поиска», опубликованной в авторитетном научном журнале «История Петербурга» (2005. № 3(25). С. 68–71), исследовательница на основе комплекса архивных материалов убедительно доказала, что мемориальная доска на Исаакиевской площади, 9, установлена ошибочно.

Ключевым поиском Красновой является установление адреса проживания философа. Ссылаясь на статью Б.Г. Райского [3], в которой было убедительно доказано, что спутником Дидро в его путешествии в Россию был Алексей Васильевич Нарышкин, в семье которого он впоследствии и проживал, Е.И. Краснова установила, что братья Нарышкины — Семён и Алексей Васильевичи проживали во Владимирской части. Затем, опираясь на ряд косвенных свидетельств [4], она устанавливает место жительства Дени Дидро в доме по нынешнему адресу Владимирский проспект, 12, где ныне располагается театр им. Ленсовета. В своей статье Е.И. Краснова ссылается на Санкт-Петербургские Ведомости от 13.06.1774 года, содержащие информацию об отъезжающих из Санкт-Петербурга [5]. Там упоминается француженка по фамилии Тетар, проживавшая в доме прокурора Берг-коллегии Нарышкина. Однако в письмах Дидро упоминается не француженка, а француз Тетар, который умер в марте 1779 года в Санкт-Петербурге, о чём сообщается в выпуске Санкт-Петербургских ведомостей от 12 марта 1779 года. Таким образом, атрибутирование адреса проживания господина Тетара, упомянутого в письмах Дидро, с адресом, с которого в 1774 году выехала из Петербурга госпожа Тетар, не является с исторической точки зрения надёжным аргументом. Дальнейшее рассуждение Е.И. Красновой, имея историческую ценность, поскольку устанавливает связи между хозяевами дома на Владимирском пр. 12, не является однозначным аргументом в пользу того, что там пребывал Дени Дидро.

Одним из аргументов служат мемуары госпожи де Вандель, дочери философа, которые цитирует Краснова. Согласно этому источнику, когда по прибытии в Петербург Дидро не смог остановиться у скульптора Фальконе (его комнаты оказались заняты неожиданно приехавшим сыном), он «попросил перо и чернила и написал записку князю Нарышкину, умоляя его дать ему пристанище, если это не слишком его затруднит. Князь послал за ним карету и оставил его жить у себя до самого его отъезда». Дополнительным подтверждением служит анализ переписки самого Дидро, в которой он высоко оценивал оказанное ему гостеприимство, не упоминая при этом полное имя Нарышкина. Таким образом, Краснова документально, хоть и не с полной исторической убедительностью доказательств, обосновывает, что местом пребывания философа в Петербурге был дом на Владимирском проспекте, 12, а не особняк на Исаакиевской площади, 9.

К моменту установки мемориальной таблички Дидро в отечественной историографии была опубликована статья Райского в 1984 году, упомянутая выше [3]. Она опровергала устоявшееся к тому моменту мнение историка Бильбасова, отражённое в его книге «Дидро в Петербурге», вышедшей ещё в 1884 году [6]. Мнение это состояло в том, что спутником Дидро из Нарышкиных и гостеприимным хозяином, принявшим известного энциклопедиста, был Семён Кириллович Нарышкин, камергер, бывавший в Париже, лично знакомый с Дидро и другими просветителями. Проживал он при этом на Миллионной улице, дом 6, о чём свидетельствуют официальные документы (Документ из ЦГИА СПб — Ф. 19 Оп. 1 Д. 4568, 5138 Л. 3). В.А. Бильбасову не были знакомы письма Д. Дидро своей жене, в которых он пишет, что Нарышкину около тридцати лет, и что с ним проживают его брат со своей женой.

Интересно, что в собрании сочинений Д. Дидро, выходявшем в тридцатые-сороковые годы двадцатого века в Советском Союзе, также присутствует путаница с Нарышкиными. В десятом томе прямо утверждается автором предисловия А. Молоком, что в августе 1773 года, после трёхмесячного пребывания в Гааге, Дидро выехал в Петербург в сопровождении С.К. Нарышкина, просвещённого русского барина, сенатора и камергера двора Екатерины [7, с. 13]. Изложенные данные противоречат информации из писем самого Дидро, опубликованных в девятом томе этого же собрания сочинений, где он утверждает, что Нарышкину, его русскому компаньону, было около тридцати лет: «Хотя г-н Нарышкин должен был в качестве камергера её императорского величества принимать участие в кортеже, но он вынужден остаться дома с большой припаркой на всей челюсти из-за флюса, сопровождавшегося зубной болью, а еще больше из-за усталости от продолжительной езды и боли во всем теле. Чем объяснить, что человек, который вот уже четыре года объезжает на почтовых весь свет, который успел перебраться через Альпы, а потом через Апеннины и пр., до такой степени разбит, что мне несколько раз казалось, что придется оставить его мертвым где-нибудь под забором или ополоумевшим доставить его в его страну, между тем как я чувствовал себя лучше, чем когда-либо? Прибавь, что он молод, потому что ему не больше тридцати лет, а мне уже шестьдесят или без малого шестьдесят» [8, с. 17]. Семёну Кирилловичу Нарышкину, о котором в своей книге пишет Бильбасов, в описываемом 1773 году 63 года, что показывает нам, что он уж точно не спутник Д. Дидро в его поездке в Петербург.

Самым удивительным в этой запутанной истории является то, что мемориальную табличку Дидро разместили на доме Л.А. Нарышкина, положение которого было высоким и приближенным ко двору императрицы, но при этом нет никаких исторических свидетельств того, что Лев Александрович Нарышкин был знаком с Дени Дидро или другими просветителями эпохи, никаких свидетельств того, что он бывал во Франции; однако расположение именно его дома определяется с абсолютной точностью, а главное, что имперский вид дома и нахождение вблизи одного из главных туристических маршрутов города делает расположение мемориальной таблички Дени Дидро идеальным для презентации культурного образа.

Теоретическая рамка исследования: семиотика города и культурная память

Для адекватного анализа феномена «ошибочной» мемориализации необходимо обратиться к теоретическому инструментарию, разработанному в рамках двух взаимодополняющих исследовательских традиций: семиотики городского пространства и теории культурной памяти. Их синтез позволяет рассматривать мемориальную доску не как простой указатель на исторический факт, но как сложный семиотический конструкт, функционирующий в системе культурных кодов и коллективных репрезентаций.

Фундаментальное значение для данной работы имеет семиотический подход Ю.М. Лотмана, в рамках которого город понимается не как пассивная физическая среда, но как «динамическая семиосфера» — пространство, порождающее и транслирующее смыслы. Как отмечает Н.И. Федосеева, развивающая лотмановскую традицию применительно к современной урбанистике, «Семиотические границы между историческим и современным в концепции Ю.М. Лотмана представляют собой динамичные зоны культурного напряжения, где старые коды (архитектурные символы, традиции, исторические нарративы) вступают в сложное взаимодействие с новыми (медийными трендами, технологическими инновациями, современными социальными практиками) [9, с. 625]. Этот теоретический ракурс позволяет принципиально пересмотреть статус архитектурных объектов и мемориальных знаков: они перестают быть лишь пассивными носителями информации о прошлом, становясь активными агентами его конструирования.

Особую значимость для нашего исследования приобретает лотмановское различие двух типов городской семиотической организации — «концентрического» и «эксцентрического» города. Первый, воплощающий идею «вечного города», расположен «внутри страны, как правило на горах», и выступает «посредником между землей и небом»; вокруг него концентрируются мифы генетического плана, он «имеет начало, но не имеет конца». Второй, к которому Лотман относит Санкт-Петербург, напротив, занимает «эксцентрическое положение» в семиотическом пространстве: он расположен «на краю» культурного пространства, «на берегу моря, в устье реки», и актуализирует не антитезу земля/небо, а оппозицию «естественное/искусственное». Именно это свойство — принципиальная искусственность, созданность «вопреки Природе» — порождает, по Лотману, особый тип городской мифологии, где «вокруг имени такого города будут концентрироваться эсхатологические мифы, предсказания гибели, идея обречённости». Важно подчеркнуть, что эта искусственность имеет и позитивную семиотическую функцию: «уникальная выдержанность огромных ансамблей», характеризующая петербургскую архитектуру, «создает ощущение декорации», что ведёт к отчетливому разделению городского пространства на «сценическую» и «закулисную» части. Этот театральный характер Петербурга, его изначальная ориентированность на «взгляд извне» (будь то «взгляд из Европы» или «взгляд из России») создаёт предпосылки для того, что городское пространство оказывается способным функционировать как сцена, где разыгрываются не только реальные исторические события, но и их символические репрезентации, не всегда совпадающие с фактической топографией.

Дополнительную теоретическую оптику задает концепция «мест памяти» (*lieux de mémoire*), разработанная французским историком Пьером Нора. Как убедительно показано в исследовании А.А. Львова, данная концепция, изначальна артикулированная в контексте французской историографии, включает в себе три важнейших аспекта: эпистемологический, антропологический и политический, что позволяет рассматривать её не как частный методологический прием, но как «оригинальную перспективу для переосмысления целей и задач историко-культурного исследования» [10, с. 155]. О.В. Головашина в своем анализе эволюции понятия «места памяти» обращает внимание на ключевое различие, введенное самим Нора: место памяти не сводится к своей материальной составляющей, но определяется через триаду «материальность — символичность — функциональность», причем «ключевое значение отводится символичности» [11, с. 98]. Это означает, что «место памяти может быть определено как останки прошлого, связанные с определёнными коммеморативными практиками, подверженные множественным интерпретациям, способные к изменениям, но сохраняющие при этом свое значение» [11, с. 99]. Для нашего исследования принципиально важным оказывается зафиксированное Головашиной положение о том, что «места памяти» возникают именно в момент разрыва с живой традицией, когда память перестает быть естественной средой обитания и превращается в объект рефлексии и коммеморации. В этом

контексте мемориальная доска Дидро на Исаакиевской площади предстает как классический пример *lieu de mémoire*, функционирующего автономно от исторической фактуры и выполняющего функцию символической компенсации утраченной непосредственной связи с прошлым. Таким образом, мемориальная табличка выступает не просто памятным знаком, но получает несколько важнейших функций. Приведём цитату исследователей Бесединой Е.А. и Бурковой Т.В.: «Информационно-коммуникативная функция мемориальных досок свидетельствует о том, что эти памятные знаки выступают надежным инструментом трансфера знаний, передачи от автора или заказчика текста к читателю как определенных исторических или биографических сведений, так и социально-политических установок» [12, с. 111].

Таким образом, теоретическая рамка исследования строится на синтезе двух взаимодополняющих подходов: семиотики города Ю.М. Лотмана, позволяющей анализировать символическую структуру петербургского пространства и его способность порождать мифы, а также концепции мест памяти П. Нора, дающей инструментарий для анализа мемориальных объектов как автономных культурных конструкторов [13]. В совокупности эти подходы позволяют перевести частный краеведческий сюжет о путанице с адресами в плоскость фундаментального культурологического исследования механизмов конструирования городской идентичности и функционирования культурной памяти.

Имагологический аспект: образ Дидро в культурном контексте 1991 года

Мемориальная доска Дени Дидро была установлена на Исаакиевской площади, 9 в 1991 году по проекту архитектора В.С. Васильковского. Выбор этого хронотопа — переломного момента отечественной истории — не может рассматриваться как случайный. 1991 год знаменует собой не только политический, но и культурный рубеж: завершение советского проекта сопровождалось активным поиском новых идентификационных стратегий, среди которых особое место занимало возвращение к европейским культурным смыслам.

В этом контексте фигура французского философа-энциклопедиста обретает символическое измерение, выходящее далеко за пределы историко-бытовой конкретики. Дидро, посетивший Россию в 1773–1774 годах по приглашению Екатерины II, уже в XVIII веке превратился в культурный миф, олицетворяющий идею просвещенного абсолютизма и диалога России с передовой европейской мыслью. Установка доски именно в 1991 году актуализирует этот мифологический пласт: он оказывается востребован как символический жест, утверждающий преемственность между «европейским выбором» Екатерининской эпохи и постсоветскими ориентирами. Хочется также отметить слова исследователя Н.Г. Федотовой о символическом капитале городов в новой, современной России: «...культурная память ряда городов в последнее время наполнилась новыми аутентичными смыслами, позволяющими городу конкурировать за символический капитал» [14, с. 137].

Как отмечает Т.В. Чапля, «архитектура охватывает жизнь не одного поколения, она несёт в себе не только ценностные доминанты в синхронном срезе времени и выполняет утилитарные функции, но и ценности и пространственные представления в диахронном срезе, формируя и воздействуя на сознание последующих поколений своими формами и содержанием» [15, с. 14]. В данном случае ценностной доминантой становится сама идея принадлежности к европейскому просвещенческому наследию. Мемориальная доска Дидро функционирует не столько как документ, фиксирующий факт пребывания философа в конкретном месте, сколько как знак, утверждающий культурную ориентацию.

Семиотика адреса: два пространства — два смысла

Культурологический анализ приобретает особую остроту ввиду установленного факта: доска была размещена по адресу, не соответствующему исторической реальности.

Предполагаемое, хотя и не установленное со стопроцентной достоверностью, место пребывания Дидро — дом Нарышкиных на Владимирском проспекте, 12 — оказалось замещено в мемориальном дискурсе «парадным» адресом на Исаакиевской площади.

Сопоставление двух локаций обнаруживает глубокое семиотическое различие. Исаакиевская площадь, 9 — это пространство имперского центра, окруженное символами государственной власти: Исаакиевский собор, памятник Николаю I, Мариинский дворец. Как указывает Ю.М. Лотман в работе «Символика Петербурга и проблемы семиотики города», архитектурное пространство северной столицы с момента основания было организовано как иерархическая система, в которой «парадный» центр противостоит «бытовой» периферии [16, с. 30]. В этой системе координат Исаакиевская площадь принадлежит к числу «мест силы», репрезентирующих государственность, официальную культуру, публичную историю.

Владимирский проспект, 12, напротив, относится к иному семиотическому регистру. Это пространство дворянской усадьбы в городе, зона частной жизни, менее пафосная и более «человечная». Владимирская церковь и прилегающая застройка формируют среду, которую можно характеризовать через призму интеллектуальной топографии Петербурга как пространство, связанное с повседневностью, личными биографиями, непарадной историей.

Ошибка локации, таким образом, приобретает характер симптома. Как отмечает Е.Я. Бурлина, «современные философско-культурологические дискурсы города опираются на хронотоп — модели пространства/времени, проявляющиеся в природных, экономических, национальных основаниях и традициях — через сопоставление разных эпох и пространственно-временного устройства города в тот или иной период, повседневность и проекции будущего» [17, с. 78].

Культурная память избирает не фактически верный, но символически приемлемый адрес. В данном случае проецируется следующая мифологема: Дидро — гость императрицы, участник диалога верховной власти и просвещения, тогда как мифологема Дидро — частное лицо, гость скромного дома Нарышкиных, остается за пределами мемориального нарратива.

Мемориальная доска как автономный текст культуры

Особый теоретический интерес представляет статус самой мемориальной доски после обнаружения фактической ошибки. Мемориальная доска, установленная в 1991 году, обретает автономное существование, независимое от своего референта и в данном случае функционирует как знак, чьё значение определяется не столько отношением к денотату (реальному месту пребывания философа, так и не установленному со стопроцентной научной точностью), сколько местом в семиотической системе города. Здесь уместным будет процитировать исследователей Э.Д. Коркию и А.К. Мамедова: «Сам образ города в определенной степени формируется спонтанно, кристаллизируясь на основе бесчисленного количества всевозможных впечатлений от отдельных предметов его составляющих, символов и кодов их передачи» [18, с. 35].

Даже будучи ошибочной, доска уже вписана в культурный ландшафт и выполняет определенные социальные функции. Она стала объектом ритуального почитания, местом возложения цветов, элементом экскурсионных маршрутов. Исследователи О.В. Киреева и М.Н. Веселова расширяют представление о символике города: «Он [город] имеет свой символический код, или «репрезентационную формулу», которая включает исторический ландшафт, градостроительный и топографический, архитектурный и мемориальный, этнографический и археологический компоненты, изобразительные знаки» [19, С. 12]. Таким знаком становится и мемориальная доска Дидро. Её демонтаж означал бы не просто исправление исторической неточности, но разрушение сложившегося культурного поля. Этот конфликт между

исторической правдой и музейно-ритуальной ценностью наглядно демонстрирует механизм функционирования культурной мифологии: миф, однажды материализованный в архитектурном знаке, приобретает собственную онтологию и начинает существовать параллельно с историческим фактом, а иногда и замещая его.

Таким образом, история с мемориальной доской Дидро иллюстрирует фундаментальное свойство культурной памяти: она ориентируется не на реконструкцию прошлого «как оно было», а на конструирование такого образа прошлого, который отвечает потребностям настоящего. В этом смысле даже ошибка становится значимым культурологическим фактом, позволяющим увидеть механизмы производства культурных смыслов в их непосредственной работе.

Заключение

Проведенный культурологический анализ истории с мемориальной доской Дидро в Санкт-Петербурге позволяет сделать ряд выводов, выходящих за пределы локальной краеведческой проблематики. Казус с ошибочной локацией, на первый взгляд представляющий собой лишь досадный фактологический просчет, при более пристальном рассмотрении обнаруживает фундаментальные механизмы функционирования культурной памяти. Как указывал Ю. Лотман, «каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить (т. е. хранить), а что подлежит забвению» [20, с. 201].

Исследование показало, что установка доски в 1991 году и выбор Исаакиевской площади вместо Владимирского проспекта могут быть объяснены не только исключительно небрежностью чиновников или недостаточной исторической осведомленностью. Этот выбор продиктован глубинной логикой культурной мифологии, для которой символическая значимость места оказывается важнее его документальной точности. В терминологии Пьера Нора, мы имеем дело не с «памятью-архивом», стремящейся к максимальной аутентичности, а с «памятью-мифом», которая конструирует прошлое в соответствии с потребностями настоящего [21].

Семиотический анализ двух адресов, проведенный с опорой на концепцию семиосферы Ю.М. Лотмана, позволяет интерпретировать ошибку как результат конфликта между разными семиотическими регистрами городского пространства. Парадный центр, репрезентирующий государственность и официальную культуру, оказался более привлекательным для размещения знака «европейского выбора», нежели бытовая периферия, где Дидро пребывал в действительности. Тем самым материализовалась не фактическая, но символическая география, в которой ценностная доминанта (просвещенный абсолютизм, диалог с Европой) определила мемориальную топографию.

Важнейшим теоретическим результатом исследования становится осознание того, что мемориальная доска, однажды установленная, функционирует как автономный текст культуры. Даже будучи ошибочной, она обретает собственную онтологию, встраивается в ритуальные практики и начинает производить культурные смыслы независимо от своего исходного референта. Этот феномен, рассмотренный через призму семиотики Ю. Лотмана и семиотического подхода к архитектуре Т.В. Чапли, подтверждает, что городская среда представляет собой не пассивный носитель информации о прошлом, но активный инструмент его интерпретации и пересборки смыслов.

Таким образом, «ошибка пребывания Дидро» оказывается симптомом более общего свойства культурной памяти: её избирательности, способности к мифологизации и стремлению к конструированию смыслов, а не просто к архивации фактов. Для современной культурологии этот пример служит наглядной иллюстрацией того, как даже локальный, частный эпизод

городской истории может стать продуктивной моделью для понимания универсальных механизмов взаимодействия прошлого и настоящего, текста и контекста, реальности и интерпретации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Николаева, Ж.В. Черта идентичности: становление города / Ж.В. Николаева // Журнал фронтальных исследований. — 2021. — Т. 6, № 1(21). — С. 144–159. — DOI 10.46539/jfs.v6i1.258. — EDN WPEGSO.
2. Кузьмин С. Забытая рукопись Дидро: (Беседы Дидро с Екатериной II) // Пушкин. Лермонтов. Гоголь. (Литературное наследство. Т. 58). М., 1952. С. 933 <http://feb-web.ru/feb/litnas/texts/158/158-927-.htm?cmd=p>, (дата обращения: 20.04.2026).
3. Б.Г. Райский. Дидро и братья Нарышкины. Страницы из истории француженско-русских культурных связей. Французский ежегодник 1982. М.: Наука. 1984. С. 240–251. https://imwerden.de/pdf/kniga_v_rossii_v_epokhu_prosveshcheniya_1988_ocr.pdf (дата обращения: 20.04.2026).
4. Краснова Е.И. Дидро в Петербурге. История одного поиска // История Петербурга. — 2005. — № 3(25). — С. 74–79. <http://mirpeterburga.ru/upload/iblock/c62/c62a8aded015062389f10042cb5006af.pdf> (дата обращения: 20.04.2026).
5. Газета «Санкт-Петербургские Ведомости» XVIII века: Указатели к содержанию (1728–1781 гг.). <https://www.vedomosti1728.ru/card.cgi?r=82&id=34662> (дата обращения: 25.04.2026).
6. В.А. Бильбасов. Дидро в Петербурге // [Соч.] В.А. Бильбасова. — Санкт-Петербург: тип. И.Н. Скороходова, 1884. — [4], IV, 325 с. https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003615144?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 20.04.2026).
7. Дени Дидро. Собрание сочинений. Том X. Под общей редакцией И.К. Луппола. Пер. примеч. и вводные очерки П.И. Люблинского, Редакция и вступительная статья А.И. Молок. Гос. издательство «Художественная литература», 1947. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005139149/ (дата обращения: 20.04.2026).
8. Дени Дидро. Собрание сочинений. Том IX. Под общей редакцией И.К. Луппола. Пер. Э.Л. Гуревича, примечания В.И. Пикова. Гос. издательство «Художественная литература», 1940. https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005139149/ (дата обращения: 20.04.2026).
9. Федосеева Н.И. Урбан-коды в отражении городской медиареальности // Нефилология. 2025. Т. 11. No 3. С. 622–632. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2025-11-3-622-632>.
10. Львов А.А. Места памяти в истории философии (к эпистемологическому анализу концепции П. Нора) // Философские науки. 2022. Т. 65. № 6. С. 155–171. <https://cyberleninka.ru/article/n/mesta-pamyati-v-istorii-filosofii-k-epistemologicheskomu-analizu-kontseptsii-p-nora/viewer> (дата обращения: 20.04.2026).
11. Головашина О.В. Места памяти: между метафорой и концептом // Социология власти. 2025. Т. 37. № 1. С. 98–117. С. 98. doi: 10.22394/2074-0492-2022-1-18-38.

12. Беседина, Е.А. Мемориальная доска: аннотационная табличка или «документ» эпохи / Е.А. Беседина, Т.В. Буркова // Диалог культур и цивилизаций: Сборник трудов III Международной научно-практической конференции, Москва, 14–16 апреля 2022 года / Под общей редакцией Ч.Б. Далецкого, А.Ю. Платко. — Москва: Московский государственный лингвистический университет, 2022. — С. 107–117. — EDN ACIESK.
13. Нора П. Проблематика мест памяти // Франция-память / под ред. П. Нора. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999. — С. 17–50. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 20.04.2026).
14. Федотова Н.Г. Практики городской коммеморации: особенности формирования культурной памяти города // Вестн. Том. гос. ун-та. Культурология и искусствоведение. 2020. №39. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praktiki-gorodskoy-kommemoratsii-osobennosti-formirovaniya-kulturnoy-pamyati-goroda> (дата обращения: 20.04.2026).
15. Чапля Т.В. Архитектура сквозь призму культурного пространства // Вестник славянских культур. 2020. Т. 58. С. 8–20. <https://doi.org/10.37816/2073-9567-2020-58-8-20>. С. 14.
16. Лотман Ю.М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Семиотика города и городской культуры. Петербург: Ученые записки Тартуского государственного университета. — 1984. — Вып. 664. — С. 30–45. https://imwerden.de/pdf/semiotika_goroda_2014_izd.pdf (дата обращения: 20.04.2026).
17. Коркия, Э.Д. Городское коммуникативное пространство (феноменология и тренды) / Э.Д. Коркия, А.К. Мамедов // Международный академический вестник. — 2014. — № 3(3). — С. 30–38. — EDN TEBZRD.
18. Киреева, О.В. Современная городская культура: город для человека или против него? / О.В. Киреева, М.Н. Веселова // Дискурс. — 2020. — Т. 6, № 1. — С. 5–20. — DOI 10.32603/2412-8562-2020-6-1-5-20. — EDN IQSMPB.
19. Бурлина Е.Я. Хронотоп — семиотика и будущее города // Известия Самарского научного центра РАН. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. — 2020. — Т. 22. — №5. — С. 77–84. doi: 10.37313/2413-9645-2020-22-74-77-84.
20. Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Избранные статьи. Таллинн: Александра, 1992. Т. 1. 472.
21. Нора П. Эра коммемораций // Франция — память. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999. 328 с. С. 64–94. <http://ec-dejavu.ru/m-2/Memory-Nora.html> (дата обращения: 20.04.2026).

Rodin Nikita Stanislavovich

Russian State Hydrometeorological University, Saint-Petersburg, Russia

E-mail: rodinns@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0009-0006-3040-3320>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=1156420

Toward an attempt to determine the true residence of mr. D. Diderot in St. Petersburg: a cultural analysis of the memorial plaque

Abstract. The article presents a cultural analysis of the case concerning the memorial plaque to Denis Diderot in St. Petersburg, installed in 1991 at 9 Isaakievskaya Square, whereas historical documents indicate a different probable location of the philosopher's residence — 12 Vladimirsky Avenue, which was the subject of a separate study in 2005 by local historian E.I. Krasnova. The author of the article poses the question: why was the «erroneous» plaque not only never removed but also became an integral part of the urban landscape? The research employs Yuri Lotman's semiotic approach to urban space, Pierre Nora's concept of «lieux de mémoire», and methods of imagological analysis. The study compares the two addresses — the ceremonial center (Isaakievskaya Square) and the former noble periphery (Vladimirsky Avenue) — as distinct semiotic registers. The author examines the hypothesis that the choice of location in 1991 was not accidental: against the backdrop of the Soviet Union's collapse, the need for symbolic reaffirmation of ties with the European Enlightenment became acute, and the figure of Diderot — a friend of Catherine the Great — was incorporated into the imperial narrative. The author interprets this error not as negligence but as a manifestation of cultural memory's selectivity, which subordinates facts to current meanings. It is concluded that the memorial plaque functions as an autonomous cultural text: its symbolic significance may prevail over documentary accuracy. The article contributes to the understanding of the mechanisms of urban identity construction and the mythologization of the past in the post-Soviet space.

Keywords: Denis Diderot; memorial plaque; cultural memory; lieux de mémoire; urban semiotics; architecture; cultural space; mythologization; Pierre Nora; Yuri Lotman